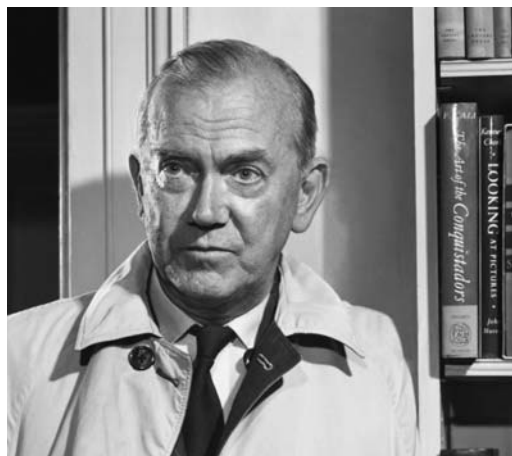

ГРЭМ ГРИН

[263]

ИЛ 2/2019

Да и Нет

Одноактная пьеса

Перевод с английского Анны Лыиковой

Сцена пустого театра, плотно заставлена мебелью из вечернего спектакля. Для упрощения задачи можно использовать задник сцены с нарисованной на нем мебелью. В таком случае перед ним нужно поставить два кресла. АКТЕР, нервный молодой человек, ходит взад и вперед, смотрит на часы, рассматривает задник или мебель из декораций. В руках он держит текст пьесы. Входит РЕЖИССЕР, также с текстом в руках, темпераментный мужчина средних лет, которому нравится звук собственного голоса.

РЕЖИССЕР. А, вижу, вы пунктуальны. Ценное качество для молодого актера. Вы здесь давно?

АКТЕР. Да.

РЕЖИССЕР. Прошу прощения. Я застрял в пробке. Не важно. Надеюсь, у вас была возможность как следует заучить ваши реплики. На вчерашней репетиции вы не были особенно точны.

АКТЕР. Да.

РЕЖИССЕР. Что ж, для молодого актера впервые репетировать с сэром Ральфом и сэром Джоном — это серьезное испытание. Два корифея сцены. Для этого я и позвал вас сегодня утром: вчера у меня создалось впечатление, что вы не совсем понимаете смысл пьесы в целом. Я знаю, что вы появляетесь лишь в первом акте, но полагаю, что вы прочли пьесу целиком?

АКТЕР. Нет.

РЕЖИССЕР. Нет? Большая оплошность, молодой человек. Пьеса, слава Богу, это не какой-то ваш пустой фильм. В театре мы уважаем слово, создателя слова и актера, который пропускает слово через себя. Я помогаю как могу, но актер театра — не марионетка, как актер кино. Вы не можете сыграть роль, не зная всей пьесы. Кстати, пьеса, которая уже полгода идет в этом театре, написана Фредериком Приветтом, он же автор и нашей пьесы. Я надеюсь, что и наш Приветт пойдет не хуже. Интересное нагромождение декораций. Он не хотел, чтобы актеры много двигались между репликами. Эта пьеса в характерном для Приветта стаккато. Вы меня понимаете?

АКТЕР. Нет.

РЕЖИССЕР. В этой пьесе он использует очень короткие предложения. Порой всего из одного слова. В нашей пьесе важны не сами реплики, а паузы. Мне не следует этого говорить: он многое перенял у Пинтера. Но прошу заметить, он не имитатор. Его паузы отличаются от пауз Пинтера. Это паузы Приветта. Нужно очень внимательно отнестись к паузам. Даже в такой маленькой роли, как ваша. Надеюсь, вы меня понимаете?

АКТЕР. Да.

РЕЖИССЕР. Хорошо, начнем с вашей сцены. Не смотрите в текст, я подскажу, если будет нужно.

АКТЕР. Да.

РЕЖИССЕР (*долгая пауза*). Ну, начинайте! Здесь пауза не нужна.

АКТЕР. Да.

РЕЖИССЕР. Перестаньте повторять “да”! Просто начинайте!

АКТЕР. Да.

РЕЖИССЕР. Перестаньте повторять! Начинайте! (*Смотрит в текст.*) О, простите! Конечно, “Да”. Это же ваша первая реплика в этой сцене. Я забыл, что она так начинается. Я буду читать за другого актера. Вы, или скорее Генри Хоббс, входите в дверь слева. Коминс — сэр Ральф — говорит вам: “Вас долго не было”, а вы, совершенно верно, отвечаете: “Да”. И все же вы должны хорошо осмыслить это “Да”. Это дерзкое “Да”. Это “Да” — начало

конца ваших отношений с сэром Ральфом, то есть с Коминсом. Вы полностью исчезаете после первого акта. Тем важнее раскрыться в этой сцене. А теперь бросьте ваше “Да” в зал! Его должны отчетливо услышать в последнем ряду. Попробуйте!

[265]

ИЛ 2/2019

АКТЕР. Да.

РЕЖИССЕР. Уже лучше. Продолжайте.

АКТЕР. Нет.

РЕЖИССЕР. Что значит “Нет”? Идите по тексту.

АКТЕР. Нет.

РЕЖИССЕР. Молодой человек, я режиссер, и я говорю вам: продолжайте. Вы что, отказываетесь? В таком случае вы потеряете роль в спектакле с сэром Ральфом и сэром Джоном. Я даю вам еще один шанс. Вы отказываетесь?

АКТЕР. Нет.

РЕЖИССЕР. Рад это слышать. Больно видеть, когда молодой актер упускает такую возможность. Возможно, однажды и вы удостоитесь рыцарского звания. Вам бы этого хотелось?

АКТЕР. Да.

РЕЖИССЕР. Хорошо. Тогда забудем это небольшое недоразумение. Продолжайте.

АКТЕР. Нет.

РЕЖИССЕР. За тридцать лет работы режиссером я ни разу не сталкивался с подобной дерзостью. Вы готовы репетировать или нет?

АКТЕР. Да.

РЕЖИССЕР. Тогда начинайте или покиньте сцену!

АКТЕР (*смотрит в текст*). Нет.

РЕЖИССЕР (*смотрит в текст*). Да. Я вижу, тут вы и правда говорите “Нет”. Простите. Сэр Ральф говорит вам: “Вы хотя бы подумали о том, какое беспокойство вы мне причинили, не вернувшись вовремя к ужину?”, и вы отвечаете: “Нет”. Все совершенно точно, я запутался, но в любом случае я бы хотел, чтобы вы поработали над этим “Нет”. Оно тоже должно долететь до последних рядов. Вы все еще пререкаетесь с сэром Ральфом, и в этот момент сэр Джон, то есть, конечно, я хотел сказать — Эдвард Крукшанк, украдкой выходит из двери справа, довольный тем, что снова испортил отношения своего старого друга сэра Ральфа, то есть Коминса. Вы понимаете?

АКТЕР. Да.

РЕЖИССЕР. Это очень смелая пьеса. Во времена моей молодости никто бы за нее не взялся. Тридцать лет назад мы да-

же и не надеялись бы заполучить для этой пьесы сэра Ральфа и сэра Джона. Лорд-гофмейстер запретил бы ее. Вы, наверное, никогда не слышали о Лорде-гофмейстере.

АКТЕР. Нет.

РЕЖИССЕР. Я лично с ним не встречался. Мы всегда говорили с командиром гвардии. Что ж, *autres temps, autres mœurs*¹. Вы говорите по-французски?

АКТЕР. Да.

РЕЖИССЕР. Актеру полезно знать французский — хотя в нашей пьесе это не так уж важно. Разве что во втором акте, где Коминс — сэр Ральф, увлекается французским акробатом по имени Рене. Вы уже дочитали до этого места?

АКТЕР. Нет.

Режиссер: Роль Рене выигрышнее вашей. В начале отношений всегда больше диалогов, чем в конце. Может, я поставлю вас дублером Рене? В случае чего *вашу* роль сыграет кто угодно. Если Рене заболит, вам выпадет большая удача. Есть одна необыкновенно страстная сцена, когда сэр Джон застаёт Рене с сэром Ральфом, то есть, конечно, когда Коминс застаёт Рене с Крукшанком. Или Крукшанк застаёт Рене с Коминсом? Вы хотите сказать, что даже не заглянули во второй акт?

АКТЕР. Да.

РЕЖИССЕР. Если вы хотите стать хорошим актером, вам нужно осознать важность понимания пьесы в целом. Пусть в первом акте у вас и немного слов, но каждое из них важно для трактовки всей пьесы. Вы не читали ни второй ни третий акт, и поэтому у вас такое неубедительное “Нет” и такое слабое “Да”. Но давайте не будем ссориться. Я хочу вам помочь. Нам нужно сесть и успокоиться.

Оба садятся в кресла.

РЕЖИССЕР. А эту пьесу Приветта вы видели?

АКТЕР. Нет.

РЕЖИССЕР. Я дам вам контрамарку. Вам нужно понять, к чему стремится Приветт. В этой пьесе, в своем стаккатном стиле, он создает необыкновенную сатиру на тот гетеросексуальный мир, в котором большинство из нас живет, не осознавая его обманчивости. А в нашей пьесе — в пьесе из долгих пауз, он создает необычайную са-

1. Другие времена, другие нравы (*франц.*).

тиру на гомосексуальный мир, в котором живет большинство из нас. Вы меня понимаете?

АКТЕР. Не-е-ет.

РЕЖИССЕР. Я объясню проще. В этой пьесе, в этом театре он обнажает предательство, неизбежное в любых гомосексуальных отношениях... Если хотите, в любых гетеросексуальных отношениях, в нашей же пьесе он заявляет, что предательство — это неизбежный итог любых гомосексуальных отношений. Вы понимаете?

АКТЕР. Да-а-а.

РЕЖИССЕР. Имейте это в виду, когда произносите “Да” и “Нет” в первой сцене. Ваши “Да” должны звучать резко, а ваши “Нет” — немного презрительно. Приветству предлагали прописать в третьем акте роль для сэра Майкла, но я сказал, что два театральных рыцаря придадут спектаклю достоинство, а три превратят его в турнир. Турниры — вещь жестокая. И если один рыцарь выпадает, ему трудно найти замену. У них не бывает дублеров, и вы и уж тем более французский акробат их не замените. Вы согласны?

АКТЕР. Да.

РЕЖИССЕР. Не то чтобы я недооценивал вашу маленькую роль в этом спектакле. Знаете старый детский стишок о битве при Ватерлоо? Битва проиграна “оттого, что в кузнице не было гвоздя¹. Считайте себя гвоздем, жизненно важным гвоздем. А теперь, зная все это, посмотрите эту сцену еще раз. Сэр Джон, то есть Коминс, нет, Крукшанк перебивает. Он так по-интригански говорит: “Полагаю, у вас есть заботы поважнее”, а вы отвечаете?

АКТЕР. Да.

РЕЖИССЕР. Нет, нет. Здесь нужна длинная пауза. Вы намеренно оскорбляете сэра Ральфа, то есть Коминса... Это конец отношений. Попробуйте еще раз.

АКТЕР. Нет.

РЕЖИССЕР. Не “Нет” — “Да”. Черт возьми, не понимаю, почему вы не идете по тексту. Вам всего-то и нужно, что говорить “Да” и “Нет” в правильном порядке. Только представьте весь ужас, если вы случайно скажете “Нет” вместо “Да”, или, еще хуже, — “Да” вместо “Нет”! Весь смысл пьесы мгновенно поменяется. В длинном монологе актер может запнуться и выкрутиться. Его поддерживает контекст. Но у “Нет” и “Да” нет контекста. Они самодостаточны в своей исключительности. Сэр Ральф

1. Гвоздь и подкова. Перевод С. Маршака (*прим. перев.*).

ожидает услышать “Да”, а вы говорите “Нет”. Или вы скажете “Нет” вместо “Да” сэру Джону. И что им делать? Им нужно будет время, чтобы прийти в себя — повиснет мучительная пауза, не характерная для Приветта. Попробуйте еще раз и с расстановкой. Помните, это конец отношений. Сэр Джон говорит: “Полагаю, у вас есть заботы поважнее”, и вы отвечаете...

АКТЕР. Да.

РЕЖИССЕР. Больше наглости.

АКТЕР. Да.

РЕЖИССЕР. Лучше. Вы ведь понимаете, что я просто хочу помочь? У вас большой потенциал. Если бы я знал, что вы говорите по-французски, я бы дал вам роль Рене. Французские актеры очень ненадежны. Так. Что происходит после вашего “Да”? Сэр Ральф, то есть Коминс, как и рассчитывал сэр Джон — Крукшанк, начинает ревновать и говорит: “Какие еще заботы?” Конечно же, вы не отвечаете. Вы стоите молча. Лучше встаньте, и мы пройдем сцену вместе. Эту сцену нужно правильно сыграть. От нее многое зависит. Я почитаю за сэра Ральфа и сэра Джона. “Думаю, он был в цирке”. “В цирке, почему в цирке?” “Там выступает молодой французский акробат Рене. Вы же были в цирке, правда, Хоббс?”

АКТЕР. Да.

РЕЖИССЕР. Чуть более язвительно.

АКТЕР. Да.

РЕЖИССЕР. Bravo! Вот, уже что-то! Тут сэр Джон, то есть Коминс, нет, Крукшанк, говорит: “Нельзя держать молодого человека на цепи, Сирил”. Сэр Ральф, он же Сирил, говорит: “Вы когда-нибудь чувствовали, что вы на цепи, Генри?”

АКТЕР. Да.

РЕЖИССЕР. А не “Нет”? (*Смотрит в текст.*)

АКТЕР. Нет.

РЕЖИССЕР. Вы правы. Здесь “Да”. Я вижу. А теперь попробуйте сказать это чуть спокойнее, с оттенком иронии. Очень легким. Не более. И холодно, как лед. “Вы когда-нибудь чувствовали, что вы на цепи, Генри?”

АКТЕР. Да.

РЕЖИССЕР. Недурно, но у меня появилась идея. Мне кажется, здесь нужна пауза. Приветт ее не указал. Для него это станет сюрпризом. Понимаете, вы хотите держать сэра Ральфа в подвешенном состоянии. Он все еще хочет вас удержать. Он еще не встретил Рене. Сэр Джон продумал весь план в дьявольской скрытности. Ведь это он ано-

нимно послал вам билеты в цирк. Завтра он поведет туда сэра Ральфа, вашему царству придет конец, и наступит эпоха Рене. Но ненадолго. О нет, ненадолго. В третьем акте сэр Джон, то есть Крукшанк, сам соблазнит Рене. Здесь у Приветта чувствуется что-то шекспировское. Не правда ли, это немного напоминает “Ричарда III”?

[269]

ИЛ 2/2019

АКТЕР. Не-е-ет.

РЕЖИССЕР. Это потому, что вы не читали пьесу целиком. Вы не можете понять, почему сэр Джон так стремится разрушить все отношения сэра Ральфа. А это становится понятно уже в первом акте. Вы, конечно, читали начало первого акта? Это же прямо перед вашим выходом. Вы должны были прочесть его.

АКТЕР. Нет.

РЕЖИССЕР. Невероятно. Вы просто прочли ту часть, где у вас есть слова?

АКТЕР. Да.

РЕЖИССЕР. Боже. Я бы заменил вас, но сэр Ральф расстроится. Он ненавидит замены. Сейчас слушайте внимательно, что происходит после “Да”! (*Сверяется с текстом.*) Вы медленно проходите по сцене до двери. Сэр Ральф спрашивает: “Куда вы?”. Вы молчите. Идете. Медленно. Сэр Джон (*поддразнивая*): “Ему нужно помыть руки, не правда ли, Хоббс?” На этих словах вы останавливаетесь у двери, где стоите сейчас. Вам предстоит произнести самую напряженную фразу, которую написал для вас Приветт. Вы должны выжать из нее все. Вы поворачиваетесь к двум старикам. Все гадают, что же вы ответите. Приветт указал “долгую паузу”. Как раз тут вы и не справились вчера. Паузы почти не было. Здесь необходимо актерское шестое чувство. Вы должны ощутить напряжение публики, вы — центр внимания, вы должны нарушить тишину и заговорить за секунду до того, как они заерзают от нетерпения. Сейчас. Вперед. Вы чувствуете, что момент настал. Говорите.

АКТЕР. Да.

РЕЖИССЕР. Нет, нет. Черт бы вас побрал. Здесь “Нет”.

АКТЕР. Нет?

Оба смотрят в текст.

РЕЖИССЕР. Простите. Ошибся. Помню, что изначально здесь было “Нет”, но Приветт изменил это. Он сказал, что “Нет” будет слишком банально и испортит ваше второе появление, когда вы выходите в котелке, с чемоданом в руках, а сэр Джон ехидно говорит: “Полагаю, вы

в последний раз видите Хоббса”. А Сирил говорит: “Но вы же не уходите?”

АКТЕР. Да.

РЕЖИССЕР. Нет, нет. Вы молчите. Просто уходите. Вы не говорите ни да, ни нет. Уверен, вы в состоянии это запомнить.

АКТЕР. Да.

РЕЖИССЕР. Молю Бога, чтобы вы не забыли это на премьере! Молодой человек, я все еще верю, что смогу сделать из вас актера. Присядьте в кресло, а я попробую объяснить вам, о чем пьеса Приветта.

Садятся.

РЕЖИССЕР. Вам непонятно, что движет сэром Джоном?

АКТЕР. Нет.

РЕЖИССЕР. А его отношения с сэром Ральфом?

АКТЕР. Нет.

РЕЖИССЕР. Перед тем, как вы возвращаетесь из театра, между этими стариками разыгрывается трогательная сцена. Они сидят так же, как мы сейчас, и вспоминают прошлое — как впервые встретились в школе, где сэр Ральф был воздыхателем сэра Джона, или, если хотите, сэр Джон был воздыхателем сэра Ральфа. Их взаимная любовь зародилась еще тогда, и сэр Джон ревнует. Ему нестерпимы любые отношения сэра Ральфа с молодыми людьми. Конечно, сейчас они вместе смеются над этим, но мы чувствуем, что за смехом Коминса, то есть Крукшанка, в смысле — сэра Джона, скрывается ревность. Сэр Джон играет на том, что Хоббс не вернулся к ужину, заставляя сэра Ральфа нервничать, ведь он так сильно к вам привязан. То есть Коминс, конечно. Ну может, и не столь сильно, ведь в следующем акте мы видим, что он уже влюблен в Рене, французского акробата, а французский акробат позже изменит ему с сэром Джоном ради денег. Это станет известно из-за носового платка с запахом “Герлен”. Как в Отелло. Все выдает платок. Я говорил, что у Приветта есть шекспировские мотивы. Вы меня понимаете?

АКТЕР. Да-а-а.

РЕЖИССЕР. Разумеется, последний акт ужасно мрачный. Сэр Ральф, как мы все думаем, окончательно ссорится с сэром Джоном. Сэр Ральф одинок в той, так сказать, пустыне, что создал вокруг него сэр Джон. В дом приходит мойщик окон. Молодой симпатичный мужчина, с неожиданно приятными манерами. Он разбивает стекло

и ранит руку. Сэр Ральф перевязывает ее тем самым носовым платком, который принадлежал французскому акробату. Я даже передать не могу, как невыразимо трогательно сэр Ральф говорит ему: “Бедный мальчик”. Долгая пауза, возможно, самая долгая, которую Приветт когда-либо написал, глаза сэра Ральфа застилают непролитые слезы, уверяю вас, даже если пьеса будет идти год, эти слезы останутся непролитыми на каждом вечернем и дневном спектакле. Непревзойденный, непревзойденный сэр Ральф! Дверь слева открывается, но кто это? Сэр Ральф наклонился над перевязанной рукой мойщика окон, он подносит ее к губам, и тут мы видим, что это сэр Джон вернулся. Сэр Джон видит мойщика и произносит только: “Ральф”, то есть “Сирил”, и занавес падает. Что за пьеса! Что за автор! Что за актеры! Только представьте, молодой человек, что вы можете быть одним из них, если выучите свои реплики. Вы выйдете с ними на поклон, будете стоять между мойщиком окон и французским акробатом. Молодой человек, но сейчас же вы понимаете, что успех всей пьесы зависит от того, как вы произнесете “Да” и “Нет”?

Актер слушает речь Режиссера склонив голову.

Разве вы не видите, как важна ваша роль?

Актер поднимает голову. Пауза, одна из длинных пауз Приветта.

АКТЕР. Да и нет.

Уходит.

Занавес